

Геннадий Верин

ВЕДЬМА

«...Едва ли не каждая женщина, став взрослой и мудрой, познав все тяготы жизни, выучив все наставления и знания предков, становится Ведьмой. И теперь только ей одной ведомо, куда обратит она знания свои: на добрые дела или на худые...»

Геннадий Верин

Ведьма

«Издательские решения»

Верин Г.

Ведьма / Г. Верин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508090-5

Вся эта ужасная и необыкновенная история документального подтверждения не имеет и в уголовных делах полиции России начала 20-го века не значится, но в памяти людей возьмет да и всплывет когда-никогда. Я же летом 2018 года по стечению некоторых жизненных обстоятельств побывал в селе Хоружи под Полтавой и расспросил о ней у стариков, и, почти ничего в той истории не меняя, с присущим для тех мест говором, расскажу вам все, что узнал. Ну, а правда ли то или вымысел какой, вам решать...

ISBN 978-5-00-508090-5

© Верин Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Марийка	6
Часть II. Происшествие	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ведьма

Геннадий Верин

© Геннадий Верин, 2019

ISBN 978-5-0050-8090-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вся эта ужасная и необыкновенная история документального подтверждения не имеет и в уголовных делах полиции России начала 20-го века не значится, но в памяти людей возьмет да и всплывет когда – никогда. Я же летом 2018 года по стечению некоторых жизненных обстоятельств побывал в селе Хоружи под Полтавой и расспросил о ней у стариков, и почти ничего в той истории не меняя, с присущим для тех мест говором, расскажу вам все, что узнал. Ну, а правда ли то или вымысел какой, вам решать...

Часть I. Марийка

«...Едва ли не каждая женщина, став взрослой и мудрой, познав все тяготы жизни, выучив все наставления и знания предков, становится Ведьмой. И теперь только ей одной ведомо, куда обратит она знания свои: на добрые дела или на худые...»

А приходилось ли вам, добрые люди, гадать: будто на деньги, будто на удачу, на сужено-ряженого какого или на то, что ждет человека впереди? Оно-то известно, что гадание есть занятие бесовское и греховное, и невозможное для всякого богобоязненного и крещеного в православии человека, но в то же время, кто бы ни хотел выскочить на спину судьбе и завернуть ее, как того доброго коня, в ту сторону, где ждет его людское счастье. А если так, то верно знаете, что не найти для гадания лучше ночи той, чем та ночь с шестого на седьмое января, потому как сам Христос родился в ту ночь, и не было Ему дела до той поры, пока он всякую ту нечистую силу в руки свои не взял и не угомонил. Оттого и полюбилась с давних времен Рождественская ночь всей бесовской братии, оттого и взяла она за моду выбираться той ночью из самых страхолудных мест и давать такого стрекача по белому свету, что и не угнаться за ней, не запихнуть в мешок да не закинуть назад в болото. Вытаравив глаза, бежит нечистая по белому свету до слабых в вере Христовой человек и желает им услужить, потому как знает, что за всякую ту услугу тот же человек вознаградит её. На такой случай и добрый кусок сала в гостинцы сгодится, та же домашняя колбаса не будет лишней, а что до бутылки смачной горилки, так та всегда к месту. А иной раз случается и такое, что и душу свою грешную кто в заклад оставит.

И со всем тем добром летит нечистая сила назад себе в преисподнюю к самому, что ни на есть, главному их чёрту, чтобы доложиться перед ним и выслужиться, да получить повышение по службе бесовской...

Вот и Марийка, дочка сельского шорника, слыхала от людей, что именно в эту благословенную пору все, что ни нагадается, то непременно сбудется. А когда же еще гадать, как не в шестнадцать лет? Как же не гадать, когда в молодой еще не грешной душе ее такой жар сердечных мук зародился, что если к тому жару поднести хотя бы спичку, то вмиг вспыхнет та спичка, когда в прелестной головке Марийки одни только мысли о разудалых хлопцах-казаках, когда только сама думка о суженом-ряженом румянит бархатные щечки и вздымает на дыбки упругую девичью грудь.

Бежит Марийка по натопанной тропке в сапожках красных по снегу хрусткому в одно, только ей ведомое, место, а сердце в ее груди так и стучится, так и стучится, что хоть держи то сердце руками, чтобы не выскочило оно со страху. В то место бежит Марийка, где ей всю правду без утайки, как есть, поведают. Знает дивчина, что только местная гадалка поможет ей. А как же иначе? Сколько годков ей еще в девках ходить да родительские наставления слушать? Нет сил терпеть больше. Не желает Марийка на посылках быть у папеньки и маменьки. Хочется самой хозяйкой стать, хочется, чтобы рядом возлюбленный был, чтобы ласкал он ее нежно и оберегал.

И не ведает Марийка другого счастья, как то – простое женское счастье жены и матери. Вот такая она и есть судьбинушка девичья: замуж выскочить да деток нарожать. Вот на том и стоит испокон веков нелегкая их бабья доля...

И про гостинец Марийка не позабыла для гадалки. Добрячий шмат сала с хлебом в платок замотала да за пазуху сунула. А как подбежала к одинокой хуторской хате с белым, как столб, дымом из трубы, остановилась, отдышалась и в небо черное посмотрела. А на небе том

ни облачка тебе, ни пол облачка; месяц, верно золотой, точно серп острый, что хоть хватай его сейчас руками и тем самым серпом жито жни. А близко-то как! Кажется вот только руку протяни и уцепишься. А звезд-то на небе сколько! Как будто какой богатеи золотые монетки рассыпал, и нет тем монеткам счету: хоть – складывай их, хоть – умножай. А тихо-то как вокруг,.. морозно,.. безветрие полное, что если бы кто кашлянул, то за версту услышать можно...

Вдруг слышит Марийка, как вроде кто за плетнем от хаты со двора тихо-тихо так по скрипучему снегу ступает. Слышит дивчина, а разглядеть впотьмах не может. Прислушалась она еще, пригляделась,.. а то собачка.

– Сирко, цэ ты? – спросила Марийка у той собачки и на одно колено опустилась. – Ой, и испугал ты меня, дружок. Обожди немного. Сейчас угощу тебя. – Достала Марийка гостинец, согретый девичьим духом, отломил от него кусочек и дала песику. Сирко мокрым языком хлеб вмиг слизал и в глаза дивчины печально вглядывается, хвостом куцым туда-сюда виляет. Пока давала Марийка гостинец собачке, замерзли у нее ладошки. Она их в кулачки сжала и к губам своим приставила: дышать на них давай, чтобы согрелись.

И тут вдруг, ни с того ни с сего, от чего-то собачка жалобно заскулила, голову свою к земле склонила и, поджав хвост, обратно к хате поплелась.

– Шо с тобой, Сирко? – спросила Марийка, а сама слышит, как будто кто сзади тихо подкрался, – подкрался и в спину ей смотрит. Разумеет Марийка, что стоит за ней кто-то, а вот чтоб обернуться, да поглядеть до того боязно дивчине, что аж воздуха не хватает. Так и застыла она в страхе со ртом приоткрытым, только глаза в одну сторону воротит, точно высмотреть старается: «а кто там?».

– Зачем пришла? – спросил Марийку старушечий голос.

От того, что внезапно вышло, Марийка маменьку вспомнила: – Ой, маменька! – и в снег повалилась... Обернулась она, поглядела, а перед нею не то женщина, не то старуха какая стоит. Разглядеть трудно дивчине от того, что одета та женщина, как пугало: поверх черного платья кожух нагольный до пояса и до того драный, что срам, в руках палка подпоркой, как кочерёжка, а за платком на голове волосы распущены и лица не видно.

– Я – погадать, тётечка, – тихо, не смело так, отвечает Марийка, а сама про себя Бога поминает, чтобы помиловал Он ее и не дал от страха помереть.

– Что там у тебя? – спросила та тётечка.

– Гостинец, – отвечает Марийка, и воздух с успокоением выдыхает, потому как узнала она гадалку местную.

– Ну, – говорит та гадалка и руку тянет к гостинцу. – Давай!

– Берите-берите, тётечка. Это вам, – передает Марийка гостинец, да только вот больно руки трясутся у нее, что если бы не приняла гадалка тот гостинец к себе то, верно, и выпал бы он прямо в снег.

– Что расселась, как телуха? – спрашивает гадалка. – Идем в хату.

Встала Марийка на ноги, и до того ей гадать расхотелось, что если бы кто мимо проходил или окрикнул кто ее, то такого дала бы она деру с того хутора, что и сам черт не угнал бы за нею. Да вот только на беду Марийки ни одной живой души кругом. Пришлось за гадалкой в хату идти. Деваться-то не куда...

А как в хату вошли, гадалка спрашивать давай:

- Кому сказала, что ко мне пошла?
- Никому, – отвечает Марийка. – Я сама.
- Значит сама?
- Угу, – кивнула головой Марийка.
- Ладно. Снимай одежду и сюда иди.
- Всю?
- Сорочку оставь.

Хоть и натоплено в хате гадалки, да вот только от чего то зябко Марийке: то ли от того, что с голыми ногами в сорочке одной, то ли страх колотит тело ее.

- Что стала? Подойди! – говорит гадалка.

Вышла Марийка в центр хаты, а перед нею корыто с ледяной водой и свечи вокруг.

– Обойди три раза, – говорит гадалка. – Умойся водой и скажи: «Ряженный мой, мой, суженый, приди к невесте стуженой». В воду глядись. Кто явится тебе, то и судьба у тебя такая...

Часть II. Происшествие

Вот говорят: любовь. А что за такая напасть любовь, не каждый, поди, ученый или там знающий человек уразумеет или растолкует вам. Оно-то понятно, что у того же человека любовь та где-то внутри зарождается, беспокоит его грешную душу, клокочет, точно пузырями, в груди или в животе, как у той самой хозяйки в печи добрый бульон. И никто от рождения не знает, когда та любовь ошпарит его кипятком или припечатает сверху, точно оглоблей...

Вот и пристава Николая Солову не минула стороной та сердечная страсть. Да ладно бы – просто попалась бы ему дивчина обыкновенная или там из благородных каких, да хоть бы того же дьякона дочка, ан нет. Угораздило пристава, упаси вас Господи, втрескаться в ведьму. В ту самую, что не на есть ведьму, хотите – верьте, а хотите – нет. Да и оставила та чертова баба в сердце Соловы такую занозу, что и помирать ему было скоро по преклонности лет, а забыть он ее, как не старался, так до самой своей кончины и не сумел. До того за-но-за, что не горилкой ему было залить, не перед Богом вымолить...

А началась та история давным-давно. Наверное, где-то в середине зимы, в году так 1904, еще при царе батюшке, при императоре нашем Российском Николашке II. В самом, что ни на есть, сердце славной Украины, в селе Хоружи Полтавской губернии.

Хоть и годочков своих тогда Николай Солово отмерил не то, чтобы много, тридцать два ему минуло, а вот пост он держал высокий. Довелось ему служить в полиции в городе уездном Полтаве. Наружностью Солово отличался благородною. Как говорится, уродился человек родителям на славу, а женскому полу на усладу. Был пристав черноволос, высок, в плечах широк, в талии узок, как полагается, носил усы, перед начальством спину понапрасну не гнул, был в меру строг и к людям, вне зависимости от роду и чину, добродушен.

Просьпался Солово завсегда затемно, потому как работу свою любил и ответственность, возложенную на него, разумел. Женат он не был и жил в доме, что и участок, только на верхних этажах. До десяти часов, прибравшись и позавтракав, пристав в голове своей все в порядок приводил: читал ведомости свои, кто, что и сколько сделал, вспоминал, сколько в производстве дел и какие это дела, а к десяти часам уже был в кабинете, где на рабочем столе ждала его целая куча писем, доносов всяких, телеграмм, прошений и заявлений.

Вызывал по обыкновению пристав помощника своего – человека возраста почтенного и в сыскном деле опытного. Ростом тот помощник был не высокого, с лицом бледным, от висков до скул с седыми полубочками. Обсуждал Солово с ним текущие дела, слушал его доклады о ночных событиях, давал ему распоряжения. После приходили разные чиновники со своими докладами и в какой те у них дела стадии. И так каждый божий день у Соловы. С утра до позднего вечера: доклады, поручения, прием граждан.

И надо же было Солове тем январским утром письмо то, будь оно не ладное, из пачки дернуть. Не то, чтобы лично, а как будто сам чёрт подтолкнул его руку к тому письму. Да было бы то письмо какое-то важное, с печатью, какой сургучною – другое дело, или с вензелем каким, а он нет – самое, что ни на есть – обыкновенное: серое и мятое, точно его перед нужником кто руками жамкал и примерял. И вот читает пристав то письмо, а там написано:

«...Ваше высокородие, обращается к вам Буров Гаврила, Ипата Бурова сын с той только просьбою, что не в силах стерпеть несчастье мое. Что только вас, Ваше высокородие, просить могу в беде моей глубокой помочь. Ушла из хаты дочка моя на колядки Марийка и уже как два дня шукаем ее, а дочки и следу нету. Пришлите в наше село Хоружи, Богом вас молю, человека какого, чтобы помог нам с жинкою доченьку найти. А то, как не найдём ее, то руки

на себя наложим от того, что нету сил больше разлуку терпеть. Одна у нас Марийка. Вся только надежда на вас, Ваше высокородие.

С глубоким уважением до Вас Гаврила Буров Ипатьевич»

Прочитал Солово письмо и думает: «А может та Марийка уже давно нагулялась с хлопцем каким, да вернулась дамой и живет себе, и горя не знает? А если нет,..— то проверить на всякий случай надо, мало ли что».

Вызвал пристав к себе помощника, и спрашивать давай:

– Егор Семёныч, а кто у нас урядником (сельский участковый) в селе Хоружи?

– Захлёбышев Панкрат Елизарыч, Ваше превосходительство, – отвечает ему помощник.

– Отправь ты его в Хоружи. Пускай разберется там, на месте, что и как, и протоколом все изложит.

– Хорошо, Николай Константинович. Сегодня же к уряднику распоряжение и пошлем с посыльным.

– Вот так оно будет лучше, Егор Семёныч. Отправь, будь добр...

Во второй половине следующего дня сам Захлебышев в кабинет пристава пожаловал и с порога, выпучив глаза и сотрясая басом стены, давай рапортовать, а у самого лицо от мороза красное и на усах иней:

– Ваше высокородие, урядник Захлебышев. По вашему вызову!

– Аааа, Панкрат Елизарович. Прошу, прошу. Входите.

– Ваше высокородие, нынче в Хоружи ехать никак не можно! Снегу намело чрезвычайно! Туды не то, что в санях, туды, Ваше высокородие, пеши не дошкондыбаешь! Во – покуда намело! – говорит урядник и рукой выше живота глубину отмеряет.

– А вы, Панкрат Елизарович, с дороги не сворачивайте, – отвечает ему Солово. – По накату берите. – А сам про себя пристав мыслит, что тому уряднику хоть по сухой дороге, хоть по снегу в Хоружи добраться будет нелегко, а с его-то величиной в теле да тридцать верст по завьюженной дороге так вообще – гиблое дело.

А Захлебышев смотрит на пристава с мольбой в глазах и в щеки красные свои воздух дует, может, полагает, что изменит начальство решение свое, – смилуется.

– Да какой там чёрт – накат, извиняйте Ваше высокородие! Там хоть на карачках лазь и мацай руками, а дороги не найти! А еще та вьюга! Глаза так и забивает и забивает! Вооо! Гляньте! – урядник вплотную к приставу подступил, и глаза свои вытарачил. – Ну? Шо Вам видно, Ваше высокородие?

– Ну, глаза как глаза, – взглянув в глаза уряднику, отвечает Солово. – У вас, Панкрат Елизарович, замечательные глаза.

– Оно-то понятно, Ваше высокородие! Но я ж теми глазами ни чёрта не бачу! От тыкните дулю!

– Да, что вам такое в голову забрело, Панкрат Елизарович? Не хочу я вам ничего тыкать! – сбитый с толку, говорит Солово.

– Да вы не пужайтесь, Ваше высокородие! Тыкайте!

Солово подумал секунду и ткнул в нос дулю уряднику, точно револьвер.

– Ну шо?.. Тыкнули? – спрашивает Захлебышев.

– Тыкнул.

– А шо вы тыкнули? – поинтересовался урядник и по кабинету руками ощупывать все вокруг давай, ну точно в потемках.

– Поезжайте, прошу вас, Панкрат Елизарович, – говорит Солово, разгадав нехитрую уловку Захлебывшева. – Тут дело важное. Читали, что люди пишут? Руки на себя за дочку наложить вздумали.

– Читал, Ваше высочордие, – понуро отвечает Захлебывшев. – С Божье милостью завтра с утра и выеду...

Это сейчас вам машины да дороги в асфальте, а до того как царя скинули, ничего такого не было. Вместо машины лошадка крестьянская, зимою снега, а летом грязи по шею. Вот и вся вам, что ни на есть, правда. Но и то есть правда, что земля русская в любое время года очаровательна: хоть – по левую руку гляди, хоть – по правую. Кругом красота необычайная! Вот только весною раннею да осенью позднею красота та природная спадает на время, затихает, как говорить, и обнажается, словно молодуха какая, сбрасывает с себя одежду старую и примеряет новую. К зиме, к примеру, одевает одежду белую и пушистую, к весне наряжается в зеленую и сочную, а к лету в многокрасочную. Ох, как же повезло человеку русскому, что случилось ему жить на такой благодатной земле! На такой земле, что и взору упереться не во что, где воздухом свежим дышать – не надыхаться, где захочешь, раскинешь руки в ширину, да как закричишь во всю глотку, а до тебя все равно никому нет дела. Кричи себе, хоть закричишь...

На следующее утро сел урядник в сани, втянул, как мог, шею свою тучную в шинельку солдатскую, папаху барашковую на глаза натянул, шарфом умотался и двинулся в путь. И нет уряднику дела ни до красоты земли русской, ни до просторов неохватных. Ему бы с дороги не сбиться да хвори, какой не подцепить.

В тот раз повезло Захлебывшеву. Довезли урядника до села без происшествий. А когда среди голых тополей в снежном поле белые хаты-мазанки, обставленные на зиму соломой, показались, то тут он уже зардовался про себя, потому как знал, что в местах тех, Богом забытых, человек он почетный и уважаемый. Знал урядник, что встретят его по чину, накормят от пуза и обогреют. А что еще обыкновенному человеку от этой жизни нужно? Обыкновенному человеку подавай теплую хату с мороза да харчей под носа. И будет тот человек уже и оттого безмерно счастливый...

Подъехал Захлебывшев к хате старосты, а тот по морозу без шапки, одетый в одну только сорочку, шаровары да в сморщенные до земли сапоги уже встречает с поклонами у ворот. Уважает староста урядника. Какая-никакая, а власть.

– Надолго ли к нам пожаловали, Ваше благородие? – спрашивает староста, кланяясь и вручая возничему плату за дорогу.

А урядник не отвечает ему, – молчит: то ли важность свою, подтверждая, то ли косточки проверяя, належанные от дороги долгой. Постоял так урядник немного, точно с корабля на твердую землю ступил, и к хате величественно пошел, словно бы то его хата, а староста – так, прибился себе где-то в пути, как та собака, да под ногами путается: семенит ножками рядом и снежок с плеч урядника ручонкой легонько смахивает.

Вошел Захлебывшев в светлицу, как в ту самую жаркую баню, а от него холодный дух во все стороны валом валит. Еще и рукавицы не успел снять урядник, а староста шинельку расстегивать ему давай, помогать желает: папаху принимает и к печке их, изрисованной синими крестиками и цветочками, прикладывает, чтобы с холоду просохли и обогрелись.

Стоит Захлебывшев, как тот царь, по центру светлицы, словно один он там, крестится перед Образом Святым, а глаза, без его на то воли, сами на стол опускаются. И от того стола

богатого все обширное нутро урядника, как будто кто медом мажет. До того и-зо-бильный стол у старосты обнаружился, что и позабылась дорога дальняя и холод падлючий.

– А мы вас давно приметили, Ваше благородие, – говорит староста и на жену свою смотрит, да так сладко глаза свои щурит на лице своем сытном с усами котячьими, что если бы староста не был мужнего полу, то хоть бери его, обнимай сукина сына и целуй в губы, как родного свояка. – Просим вас великодушно, Панкрат Елизарыч, с дороги повечерять с нами, чем Бог послал.

Урядник принимает приглашение: на лавку по центру стола зад свой тяжеловесный при-машивает и усы от талого снега пухлыми пальцами протирает. А в животе у Захлёбышева радость предвкушения невероятная. Слюни от одного только вида квашеной капустки, картошки желтой в дыму, от вареников с творогом, от коржей с горохом, помазанных медом, от сала белого со шкуркой да от двухлитрового бутылка горилки – так в рот и набиваются, так и набиваются.

Пока староста чарку горилкой наполнял, урядник, перекрестившись, капустки с добрую гору пальцами подцепил и в рот свой, как в ту самую яму, перенаправил. Опыт в таких делах Захлебышев имел значительный. Знал он, что если с холоду горилкой попотчеваться, то внутренности обжечь можно, а после капустки или того же самого кислющего огурца с кадки оно куда недурнее. Так и случилось. Захрустела капустка под зубами урядника со знанием дела, а за ней и горилочка без труда вошла, да так проворно скользнула по горлу в самое, что ни на есть, урядниково пузо, точно ледянка с горки. А тут, как по щучьему велению, добавка поспела, потому как всякий, знающий в том деле себя человек, скажет вам, что первая чарка она только так, для разгону, а вторая и жару поддаст, и все ваше нутро душевной теплотой обогреет...

Упрел Захлёбышев от трапезы плотной, кровью залились обвисшие щеки его, а в животе такая сытная тяжесть образовалась, что хоть сейчас на лавку укладывайся, кури люльку и философствуй. Он может и определился бы так, да дело у него в Хоружах важное.

– А имеется ли в вашем досточтимом месте селянин такой – Буров Гаврила? – спрашивает урядник у старосты, до того ни слова не проронив, что могло показаться, что забыл Захлебышев зачем в село пожаловал.

– А где же ему быть, как не у нас, ваше благородие? – отвечает староста. – Тут он! Уже как два часа дожидается вашей аудиенции, Панкрат Елизарыч.

– Хм, – удивился урядник. Он хоть и намерен был с кем-нибудь словом, каким перекинуться, а вот Бурова созерцать после обильного стола был еще не расположен. На завтра планировал. А этот Буров, черти его принесли, уже как два часа ждет.

– Ладно, – говорит урядник. – Зови. Послушаем селянина. На то я сюда из города и при-слан, чтобы всякого того человека принять и если необходимо власть употребить, – после сказанного, урядник важно пальцем в потолок ткнул и на Святой Образ перекрестился.

Староста без промедления из хаты вон и тут как тут обратно с Буровым, что урядник и глаза свои не успел расплющить от сонности, бес его знает, вдруг, откуда на него навалившейся. Только в этот раз староста в хату первый вошел, а Бурова он за собой следом заволок.

Смотрит Захлебышев, а перед ним хлипкий мужик стоит в серой шерстяной до колен чумарке: спину до пола гнет, руками шапку мнет, и разговор начать не решается.

– Назови имя свое! – точно поп в церкви, приказал урядник.

– Гаврила, ваше благородие, – отвечает ему селянин, робея.

– Так что там у тебя стряслось, Гаврила? Зачем письмо в Полтаву писал?

– То не я, ваше благородие. Я не грамотный. Писарь писал за меня.

– Та хоть сам чёрт! – злится урядник, а сам по столу глазами водит, точно забыл еще, что съесть.

– Пропала дочка... – Марийка, – жалобно говорит селянин. – Шестой дён уже, как дочку шукаем.

– А куда ж она могла деться? Может с хлопцем, каким подалась? А, может, цыгане украли да повезли из села?

– Та нее, шо вы, Ваше благородие. Який там хлопец? А цыган у нас давно не было.

– Гмм,.. – загудел в усы урядник и призадумался. – А где ж я тебе ее найду, ежели вы до меня уже искали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.